
РОМАН АДАМА ГЛОБУСА «СЯМ'Я» В АСПЕКТЕ ЖАНРОВОГО И ИДЕЙНО-ОБРАЗНОГО АНАЛИЗА

Е. В. Гранкина (Минск, Беларусь)

В статье раскрывается жанровая природа романа Адама Глобуса «Сям'я», делается вывод о том, что особенности жанра определены симбиозом художественно-документальной прозы (автобиографии, мемуаристики) и собственно художественного повествования. Соединение в книге художественных и документальных элементов придает особую значимость авторским размышлениям о человеке, национальном характере, эпохе.

Ключевые слова: жанр; поэтика; самоидентификация; менталитет; семья.

Книга Адама Глобуса (Владимира Адамчика) «Сям'я» являет собой произведение, включающее роман «Дом» и части «Глобусы» и «Бацькі». Заявленный в структуре книги синкретизм поддерживается и жанровым синкретизмом: книга служит образцом синтетического жанра, соединяющим традиции автобиографической, мемуарной прозы и собственно романного повествования. Совокупность разных жанровых возможностей помогает автору раскрыть особенности национального белорусского характера, воссоздать факты культурно-исторической действительности советской эпохи и современной Беларуси.

К числу признаков автобиографии и мемуаристики можно отнести сохранение реальных имен всех героев книги, упоминание исторических фактов и явлений (съезды Союза писателей, служба в Афганистане, Первая чеченская война), рефлексия лично-ориентированных событий в жизни автора (рождение брата, дочери, внука, смерть родителей). В литературоведении существуют исследования, в которых, исходя из структурно-типологических особенностей, обозначены критерии различения жанровых модификаций мемуаров. В частности, Т. Ю. Черкашина, предлагая учитывать ведущий объект повествования, своеобразие сюжетной линии, композиционную организацию материала, выдвигает гипотезу о наличии таких разновидностей жанра, как мемуарная автобиография и автобиографические мемуары, где мемуарная автобиография представляет собой «ретроспективное прозаическое произведение с нарративом от первого лица (изредка от третьего лица), повествующее об истории индивидуальной жизни реально существующей личности, литературно оформленное ею самою» [3, с. 197], а автобиографические мемуары в центр повествования ставят не историю «персональной жизни автобиографа», а историю «современной ему эпохи, современного ему поколения. Автор акцентирует внимание на важных событиях, участником, очевидцем, современником либо наследником которых он был; на людях, с которыми его связала жизнь» [3, с. 198]. Таким образом, предложенная типология позволяет обнаружить в романе «Сям'я» характеристики, свойственные автобиографическим мемуарам, поскольку события личной жизни Адама Глобуса органично вписываются в события эпохи.

Область собственно романного повествования представляют образный, поэтический уровни произведения. Художественной доминантой романа стал образ дома, который является традиционным не только для белорусской, но и для мировой литературы. Дом (даже «домоцентризм», когда жизненный вектор начинается от дома и возвращается к нему), семья, малая родина в сознании белоруса являются воплощением исконного, духовного, национального, пространством, где формируется мировоззрение и закладываются основы этического кодекса личности. Данное положение неоднократно находит подтверждение в романе. Так, автор вспоминает, что его отец – советский и белорусский писатель Вячеслав Адамчик – за несколько лет до смерти просил похоронить его там, где он родился: «Я хачу знікнуць у зялёным акіяне. Мне не падабаюцца мінскія могілкі. Я хачу вярнуцца на сваю Наваградчыну, у Варакомшчыну, у свае лясы, і назаўсёды знікнуць у зялёным акіяне» [1, с. 8]. И сам повествователь отмечает, что не раз говорил себе: «Калі твае творчыя і палітычныя ілюзіі рассыплюцца, калі грошы скончацца, калі сябры знікнуць, ты вернешся ў веску Варакомшчына, будзеш пасвіць кароў і ў полі пад высокім небам пісаць вершы» [1, с. 50].

Члены семьи, рода – это проводники на пути самоидентификации героя, поисков и нахождения своего «я». Адам Глобус, вспоминая эпизод из своего детства, рыбалку, где им было поймано всего три пескаря, и бабушкину реакцию на это – «Галоўнае – ты іх сам злавіў», отмечает, что «праз бабіна «сам» пачынала праступаць мая самасць, мае сапраўднае «я»» [1, с. 49]. В традициях архаического сознания, которое свойственно современному человеку и выполняет созидательную функцию, поскольку через него, по наблюдению Ю. Першина, «актуализируется проблема аутентичности, изначальности, подлинной, неискаженной коннотации, объективности и достоверности всех значений и смыслов, которые скрепляют собой человека, собирают его и репрезентируют» [2, с. 3], герой романа, притрагиваясь к родинке на руке, ощущает связь с родом и его помощь: «Калі мне кепска, я дакранаюся да радзімкі, і свет цяплее, маркота развейваецца – мама дапамагае мне» [1, с. 26]. Архаичность, свойственная белорусскому сознанию, воспринимается автором романа не как пережиток, а как одна из основ бытия, как часть жизни, определяющая ее своеобразие и уникальность.

Обращает на себя внимание название частей романа «Дом» и их последовательность. Для наименования всех частей выбрана лексика в границах одного семантического поля: часть 1 – «Тата + мама», часть 2 – «Баба з дзедам», далее «Брат», «Дзядзька. Цётка», «Дачка і жонка» и последняя часть – «Унук». При этом расположение частей отражает традиционную семейную иерархию – от «корней» (родители) к «ветвям» (дочь и внук). Не случайно начинает это древо отец. Он – патриарх, как и сам уклад в семье Адамчиков – патриархальный. Примечательно использование автором слов «тата» (папа) и «бацька» (отец). При этом нельзя утверждать, что они

употребляются в качестве синонимов – в каждом случае выбор того или иного слова обусловлен контекстом повествования и несет дополнительный смысл. Под «татай» скрывается камерное, интимное, семейное – для «внутреннего пользования», «бацька» – это внешнее, то, что характеризует самость, социально репрезентует. Первая глава романа «Тата», имеющая подзаголовок «Вугаль», начинается так: «Тата страшэнна не любіць рыпення вугалю на зубах. Адны калоцяцца, калі нехта жалезінаю чыкірыжыць по шкле... А бацька не есць вугалю. Ён не можа пакаштаваць печанай у вогнішчы бульбы, што для беларуса – дзіва дзіўнае» [1, с. 6]. Первое предложение словно помещает читателя в локус семьи, он узнает то, что известно членам этой семьи и представляет интерес, значимо сугубо внутри нее, в то время как в последних фразах начинает формироваться образ отца, известного писателя. Здесь подчеркивается его и национальная идентичность (белорус), и личностная – не может чувствовать уголь на зубах, поэтому не ест одно из самых популярных блюд белорусской кухни – печеную картошку. Этой деталью автор создает образ отца не похожего ни на кого, уникального, но все-таки белоруса и по происхождению, и по самосознанию.

В книге «Сям'я» существенное место уделено размышлениям о национальном характере, менталитете. Эти рассуждения «вписаны» в историю семьи, что подчеркивает единство личного и общего, выводит значение слова «семья» за рамки рода и приобщает к категории «нация».

Сказки, рассказанные бабушкой, приметы, суеверия – для Адама Глобуса это стало начальным этапом познания того, кто такой белорус: ему нужна сила, чтобы выстоять в зачастую жестоком к нему мире, поэтому нельзя держать за руку умирающих стариков – они забирают силу живых (раздел «Ведзьмак» [1, с. 49]), он должен быть добрым и терпеливым (раздел «Казка пра дзедаву дачку» [1, с. 44]), временами должен быть жестким, уметь сдерживать эмоции – особенно мужчины (раздел «Плач» [1, с. 41]), должен соблюдать иерархию и следовать советам того, кто обладает авторитетом (раздел «Казка пра лісічку» [1, с. 46]), должен уметь прощать, особенно в семье, понимать и прощать родным даже те поступки, которые простить, казалось бы, нельзя (раздел «Размовы» [1, с. 67], для него важно продолжение рода – это условие продолжения жизни, поэтому в семье должны быть дети (раздел «Казка пра ваўка» [1, с. 48]), он ценит свое происхождение и даже то, что в условиях русификации приходилось менять свою родовую фамилию на «удобную» русскую, не смогло уничтожить память о предках (раздел «Яе тата» [1, с. 103]). Белорус – это человек земли, но ему свойствен и творческий потенциал: «Часам мне падаецца, што дзедавы каштоўнасці – зямля, дождж, бараны, дом, сад, гарод, малако – больш вартасныя за каштоўнасці бацькі: мова, Радзіма, кнігі, літаратура» [1, с. 52], «беларуска – жанчына зямлі, жанчына палёў і лясоў» [1, с. 85]. Однако при, казалось бы, столь исчерпывающих характеристиках белорусов, которые осмысливает писатель,

для Глобуса он, белорус и страна, в которой он живет, все равно остается загадкой: «Японія далёка-далёка, а Беларусь яшчэ далей» [1, с. 60].

Среди особенностей национального характера Адам Глобус выделяет свойственный белорусам пессимизм, ощущение катастрофичности бытия (в одном из эпизодов романа доктор утешает героя, расстроившегося из-за того, что с трудом найденные и купленные лекарства для больного отца для него не подходят, тем, что в будущем «спатрэбяцца вашай маці» [1, с. 10]). Причины этого автору видятся в трагической истории белорусов, в исторической памяти – о войне, о долгом подавлении нации, подчинении ее советской идеологии. Тема войны была особо значимой в семье Адамчиков, отец писателя был ребенком в это время, но сохранил воспоминания о сожжении фашистами родной деревни, убийстве односельчан, предательствах. Как отмечает Адам Глобус, «усё гэта запаланіла ягоную свядомасць. Мож, таму... падумалася: а колькі можна яму пакутаваць? Ён і так адпакутаваў за ўсе здзекі і прыніжэнні беларуса» [1, с. 15]. Вероятно, не случайно в данном фрагменте автор прибегает к синекдохе, заменяя множественное число («прыніжэнні беларусаў») на единственное («прыніжэнні беларуса»), усиливая экспрессию высказывания и придавая ему обобщенный смысл, где единственное число воплощает единство нации, ее цельность.

К таким принижениям белорусов автор относит и цензуру в творчестве, невозможность периферийных писателей получить литературные награды высшей категории. В части «Бацькі» Адам Глобус вспоминает эпизод с отцом, который приехал домой из Москвы, где принимал участие в съезде советских писателей, и рассказал о нивхском поэте Владимире Санги. На вопрос, не получил ли В. Санги какую-нибудь высокую награду или премию, тот ответил: «Нивхам премии не даюць!», после чего отец, которому понравился этот ответ, «паўтараў за сваім даўнім таварышам, што ніўхам (чытай – беларусам) вялікіх прэмій не даюць» [1, с. 145].

Портрет эпохи, созданный Глобусом на страницах романа, – портрет едва ли не катастрофический. Основной период авторской рефлексии выпадает на советские («саўдэпаўская імперыя» [1, с. 105]) и ближайшие к ним постсоветские времена. Писателем подвергаются критике практически все государственные институты и законы их функционирования: от библиотек до университетов и Академии наук.

В восприятии Адама Глобуса, который определяет свои политические взгляды как «анарха-дэмакратычныя» [1, с. 94], человек в СССР не мог чувствовать себя в безопасности – ни в физическом, ни в психологическом аспекте, любой свободный и свободолобивый поступок влек за собой кару. Невозможно было высказывать оппозиционные политические идеи («уся палітыка канчаецца аднолькава – давядзецца уцякаць у Польшчу ці куды далей» [1, с. 49]), неграмотная межнациональная политика привела к чеченским войнам – войнам, которые «спаўзлі з гор» [1, с. 86], когда боевиками

уничтожались дома, принадлежащие «лицам славянской национальности», среди которых оказалась и одна из родственниц автора. Эта деталь подтверждает положение о том, что в изображении Адама Глобуса индивидуальное (частное, личное, семейное) невозможно отделить от общего, и история семьи – это и история народа, к которому она принадлежит.

Таким образом, роман Адама Глобуса «Сям'я» представляет собой синтетический жанр, в котором обнаруживаются элементы собственно художественного повествования и художественно-документальной прозы, автобиографически-мемуарного изложения. В книге диалектически взаимодействует художественная образность и биографическая основа, но за вниманием к деталям биографии стоит авторское умение всматриваться в человека, эпоху, национальный белорусский характер.

Библиографический список

1. Глобус, А. Сям'я : роман / А. Глобус.– Минск : Мастацкая літаратура, 2017. – 159 с.
2. Першин, Ю. Ю. Архаическое сознание: сущность и принципы : дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.13 / Ю. Ю. Першин. – Омск, 2014. – 271 л.
3. Черкашина, Т. Ю. Мемуарная автобиография и автобиографические мемуары: схожесть и различие понятий / Т. Ю. Черкашина // Филологические науки. Вопросы теории и практики : в 2-х ч. – Тамбов : Грамота, 2014. – Ч. 1, № 3 (33). – С. 196–199.

СТРУКТУРНЫЕ МЕТАФОРЫ В РЕЧЕВЫХ ФОРМУЛАХ АРГУМЕНТАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ MITTELPUNKT B2/C1 REDEMITTELVERSAMMLUNG)

О. Г. Дедович (Минск, Беларусь)

В статье рассматриваются метафоры с позиции когнитивной теории, анализируются семантические сферы «Строение», «Свет», «Путь» в речевых формулах аргументации на примере русского и немецкого языков. За основу исследования взят материал немецкого источника *Mittelpunkt B2/C1 Redemittelversammlung*. Выявленные структурные метафоры являются универсальными и позволяют провести концептуализацию таких абстрактных понятий, как аргумент и аргументация в терминах, более удобных для понимания и запоминания.

Ключевые слова: концептуальная метафора; структурная метафора; речевые формулы; аргумент; аргументация; немецкий язык.

Немецкий физик Георг Лихтенберг утверждал: тот, у кого есть глаза, [все] увидит во всем. Мы обращаемся к метафорам, когда хотим детально осмыслить понятия. По мнению белорусского исследователя В. Д. Стариченка, метафора представляет собой «своеобразный концентрат информации, узор, который в определенных речевых ситуациях наполняется конкретным смысловым содержанием» [4, с. 20–21].